

В тот день они подобрали на дороге человека с неизвестным происхождением и, разумеется, уже не могли останавливаться на постоялом дворе. Поэтому, как только дождь немного стих, Му Шэн отправился на разведку, чтобы узнать об обстановке в уезде Юньбао.

Нельзя было не признать, что советник Чэн действительно поддерживал в Юньчжоу строжайший порядок: даже в уезде Юньбао на въезде и выезде действовал жесткий контроль, и каждому полагалось предъявлять удостоверение личности для проверки и регистрации.

Будучи наследным принцем, Цзян Ли, разумеется, не мог достать обычное простонародное удостоверение, да и сам Му Шэн не смел светить собственными документами.

Поэтому перед отбытием из Шэнцзина Му Шэн специально попросил своего наставника сходить в министерство финансов и изготовить две фальшивые бумаги.

Взяв документы, Му Шэн сразу же отправился к маклеру и вместе с местным агентом по недвижимости осмотрел несколько домов.

В конце концов они выбрали тот, что стоял в самом конце переулочка Гуйхуа. Заплатив серебро, они вместе с прежним хозяином усадьбы отправились в уездную управу для оформления всех бумаг, и теперь это место полностью принадлежало им.

Уезд Юньбао все-таки оставался всего лишь уездным городом, так что цены здесь были невысокими. Небольшой дворик с четырьмя комнатами обошелся им менее чем в две сотни лян. Когда повозка остановилась у ворот, соседи тут же выглянули из окон, привлеченные шумом.

Прежний хозяин дома промышлял сушеными продуктами. Последние два года его дело шло в гору, и тесный уезд Юньбао стал ему тесен — семья решила перебраться в Юньчэн попытать счастья, а потому и продала дом в уезде Юньбао.

Сто восемьдесят пять лян серебра казались Му Шэну сущими пустяками — в конце концов, в Шэнцзинском уезде за подобный дворик пришлось бы выложить не меньше тысячи, а то и двух тысяч лян.

Поскольку раньше здесь жила большая семья прежнего владельца, дом содержался в отличном порядке, а перед отъездом слуги вымыли в нем каждый угол.

Главный дом фасадом выходил на юг, а внутри перегородкой был разделен на три части: посредине располагался зал, а по обе стороны от него — жилые комнаты. Пространство в них было просторным, а когда обе створки передних и задних окон распахивались, комнаты заливал яркий свет. Распахнув заднее окно, можно было заглянуть в самый конец двора — там находился огороженный заборчиком клочок земли, где прежние хозяева выращивали привычные овощи и зелень.

Если же оглядеть сам двор, то слева, ближе к воротам, стояли две боковые пристройки, но поскольку их окна выходили внутрь двора, света там падало меньше, чем в главных комнатах.

Справа, как раз напротив этих пристроек, находились кухня и небольшой деревянный навес. Когда хозяева уезжали, они прибрали и кухню, так что сейчас она выглядела немного пустоватой. У стены под навесом были аккуратно сложены дрова, а рядом обнаружился колодец, что было очень удобно для мытья посуды и стирки одежды.

Дорожка, ведущая от крыльца к главным воротам, была вымощена каменными плитами, так что даже в дождливую погоду можно было не бояться испачкать обувь.

Цзян Ли очень полюбился этот маленький дворик. Хотя для них двоих с Брат Шэн он казался великоват, сейчас в повозке лежал юноша, чей статус и состояние были покрыты туманом — то ли жив, то ли мертв.

К тому же он сам — мужчина в самом расцвете сил, и в будущем никак не мог бессовестно висеть на шее у Брат Шэн, позволяя тому кормить и обиходить себя. Кроме того, двор был немаленьким, и поддерживать в нем порядок в одиночку не представлялось возможным, поэтому следовало нанять хотя бы одного простого слугу.

Вспомнив о подорожном юноше, Цзян Ли поспешно попросил Брат Шэн помочь вытащить его из повозки и временно разместить в правой боковой пристройке. В этот момент в доме было совершенно пусто, и чтобы здесь можно было жить, требовалось сходить на рынок и купить кое-какие вещи вроде одеял.

Му Шэн подошел к Цзян Ли и по привычке протянул руку, чтобы потрепать его по макушке:

— Дома слишком пусто, нужно кое-что прикупить. Ари пойдет со мной или останется дома?

На самом деле Му Шэн предпочел бы каждую секунду носить высочество при себе. Его интуиция подсказывала, что лежащий на кровати человек обладает необытным происхождением, и он опасался, что тот внезапно очнется и навредит высочеству, или что кто-нибудь, преследуя их, причинит высочеству вред.

Цзян Ли и в самом деле хотел прогуляться вместе с Му Шэном, но они в дороге уже несколько дней, а тело прежнего владельца было никудышным, поэтому сейчас у него совсем не осталось сил. Он мог лишь жалобно ответить:

— Я подожду дома, пока Брат Шэн вернется!

Маленький котенок едва не плакал: прежнее тело было просто до предела слабым.

— Хорошо.

Му Шэн легко улыбнулся и кивнул. Поразмыслив немного, он достал из деревянного сундука фарфоровый флакон и дал лежащему на кровати юноше еще одну пилюлю. Это лекарство должно было позволить юноше проспать еще несколько часов, и к тому времени он как раз успеет вернуться.

Закончив с этим, Му Шэн повернулся и наказал Цзян Ли:

— Как только я уйду, Ари, закрой парадную дверь. Если я не вернусь, никому не открывай, кто бы ни стучал.

Цзян Ли моргнул: «Не открою, не открою, я не открою, мамочка еще не вернулась, никому не открою~»

Мамочка? Какая еще мамочка? Его Брат Шэн, что ли? Какой из него папа-мама, это же до жути пугает!

Цзян Ли резко пришел в себя и закивал в ответ на умиротворенное лицо Му Шэна:

— Хорошо, Брат Шэн, я понял.

Ладно, за время общения Му Шэн уже успел заметить, как сильно его высочество любит витать в облаках и отвлекаться. Подумав, что это наверняка из-за неполноты души, он невольно посмотрел на Цзян Ли с тем же балующим, почти братским теплом.

Проводив Му Шэна, Цзян Ли наглухо запер ворота во двор и вернулся в боковую комнату, где принялся рассеянно разглядывать суровые черты лица юноши. Переулок Гуйхуа был старым местом, жившие здесь годами простые люди поддерживали отличные отношения. Придя в себя, Цзян Ли услышал доносившиеся из соседнего двора радостные голоса пожилых женщин, от нечего делать собравшихся поболтать, а также звонкий смех и топот бегающих туда-сюда играющих детей.

И именно в этот миг Цзян Ли почувствовал, что с самого момента его попадания в книгу его беспокойное, полное тревог сердце наконец-то обрело твердую почву под ногами.

За три дня Му Шэн вместе с Цзян Ли наконец привели маленький дворик в порядок: всё необходимое было куплено. Купленная по прибытии карета пока не требовалась, поэтому ее продали.

Вот только Цзян Ли очень переживал: подобранный ими юноша, хотя у него и спал жар, всё равно продолжал спать мертвецким сном. Он ужасно боялся, что этот человек испустит дух прямо в их дворе, и тогда из-за покойника набегут стражники, а им потом ни за что не отмыться.

Поэтому, когда Ци Хуайчжоу очнулся от бесконечного кошмара, он услышал полные тревоги и брезгливости шутливые слова Цзян Ли.

Перед глазами предстали самые обычные потолочные балки. Ци Хуайчжоу окинул взглядом окрестности, и не успел он толком осмотреть всю комнату, как встретился взглядом со знакомым и в то же время незнакомым лицом. Цзян Ли намеревался подобраться поближе и проверить, дышит ли еще юноша, лежащий на кровати, но стоило ему приблизиться, как он встретился взглядом с холодными, пронзительными глазами незнакомца.

У юноши было не только удивительно красивое лицо, но и редкие по красоте глаза: форма с двойным веком, чуть приподнятые уголки — казалось бы, взгляд должен был быть притягательным и томным, но в нем читался невыразимый, ледяной холод.

Не успел Цзян Ли опомниться, как юноша стремительно вскинул руку и впился пальцами ему в горло. В его ясных, прекрасных очах плескалась бесконечная, бездонная ненависть. Цзян Ли не успел увернуться; он почувствовал, что юноша всерьез намерен его убить, и внезапный приступ удушья вызвал у него животный страх перед лицом смерти.

К счастью, Му Шэн вовремя заметил эту пугающую сцену. Дрожащими руками он одним ударом сбил с ног юношу, который успел сесть и вцепиться в горло его высочества, а в следующее мгновение подхватил своего господина, внезапно превратившегося в кота.

— Мяу-мяу! — Кот, смертельно перепугавшись, забился в объятия Му Шэна, а его белоснежная шерсть встала дыбом от ужаса.

Цзян Ли чувствовал, как сильно болит шея — тот человек явно хотел ее переломить, но, проспав столько дней и будучи тяжело раненным, он не обладал достаточной силой, так что Цзян Ли чудом остался жив.

Люди снаружи были по-настоящему страшными. Сейчас Цзян Ли хотел лишь одного: чтобы Му Шэн выставил этого неблагодарного юношу за дверь. Не имея возможности говорить, он лишь сильнее вжался в объятия Му Шэна, продолжая мелко дрожать.

Когда Му Шэн сбил его с ног ударом, Ци Хуайчжоу показалось, что он вновь вернулся в прошлое и увидел того самозванца, занявшего место наследного принца.

Тот был слабоумным, родным сыном наложницы Линь. В самом начале, прежде чем история Ци Хуайчжоу пошла по новому кругу, он не остерегался этого несчастного, а напротив — хотел позаботиться о нем, чтобы отплатить наложнице за то, что та вырастила его и однажды спасла ему жизнь. Но именно в таких обстоятельствах слабоумный предавал его снова и снова, раз за разом толкая Ци Хуайчжоу на самое дно, пока в конце концов он, терзаемый невыносимой болью, не погиб вместе с Великим Ци.

И правда, он был достойным сыном Ци Сяньчуня. Какая разница, что в нем текла кровь

наложницы? Этот недоумок все равно оставался человеком Цянди. Даже когда народ Великого Ци вскормил его, мог ли безумец, готовый на все за конфету, понять, что такое долг наследника престола? В конечном итоге он все равно направил свой карающий меч против народа Великого Ци.

Когда Ци Хуайчжоу пришел в себя, уже была глубокая ночь. Он не увидел того, кто так напоминал Цзян Ли, — в комнате стоял лишь один мужчина с мягкими и учтивыми манерами, который смотрел на него с явным недовольством.

Му Шэн бросил на него сверток: — Раз очнулся — убирайся немедленно! Лишь благодаря доброте моего господина ты до сих пор жив, несмотря на то что натворил.

Ци Хуайчжоу мгновенно прояснился в уме. Он вспомнил, как в тот день его преследовали убийцы клана Ци. К моменту прибытия в уезд Юньбао он потерял столько крови, что лишился рассудка. Похоже, он столкнулся с чужой повозкой, а затем был спасен ее владельцем.

Размышляя так, он понял, что юноша, чье горло он сжимал сегодня — тот самый человек, который добровольно решил его спасти. Выходило, что он ответил злом на добро. Ци Хуайчжоу произнес: — Прошу прощения за мое невежество, я по ошибке ранил своего спасителя. Позвольте ли вы мне лично принести ему свои извинения?

Му Шэн холодно фыркнул: — Мой младший брат и без того слаб здоровьем, а после того, как ты едва не задушил его, он с трудом дышит. Как у тебя вообще хватает наглости просить о встрече с ним?

Поскольку это была его вина, Ци Хуайчжоу не стал спорить, лишь украдкой окинул взглядом лицо Му Шэна. В глубине души он все еще с сомнением относился к этим двоим. За те многие разы, что он проживал свою жизнь заново, он не раз встречался с фальшью и лицемерием, познав человеческую алчность и порочность во всей красе. Однако лицо перед ним было незнакомым, да и человек, спасший его, хоть и говорил странно и медлительно, выражал свои мысли живо и искренне — это был совсем не тот слабоумный из императорского дворца в Шэнцзине.

Ци Хуайчжоу хотел было что-то добавить, но в горле запершило. Он прикрыл рукой бледные губы и зашелся в сильном кашле. Из-за тяжелых ран и того, что он промок под дождем, его лихорадка спала, но сменилась простудой.

Юноша кашлял так мучительно, что, учитывая просьбу его высочества, Му Шэн с неохотой буркнул: — Будем считать, что мы довели доброе дело до конца. Останешься еще на три-пять дней, а как простуда пройдет — проваливай куда хочешь.

Сказав это, Му Шэн развернулся и вышел из комнаты, не оглядываясь. Его господин-кот еще не ужинал, и если бы не настойчивость того самого кота, он бы и пальцем не пошевелил ради этого неблагодарного юноши.

Когда Му Шэн ушел, Ци Хуайчжоу с трудом приподнялся на кровати. Хозяева уже наложили лекарство на его раны, и оно оказалось весьма действенным — именно благодаря ему он и выжил после затянувшейся горячки.

Он толкнул окно: в поле зрения попал обычный, скромный дворик. В обеих комнатах главного дома горел свет, но он не увидел там того юношу — лишь его старший брат суетился, переходя из стороны в сторону.

Должно быть, младший и впрямь был до смерти напуган им. Ци Хуайчжоу печально опустил взгляд. Лунный свет струился, словно вода, озаряя его фигуру и делая еще более холодным и суровым.

На следующее утро Му Шэн встал первым. Как обычно, он выполнил свои ежедневные упражнения, после чего отправился на кухню готовить завтрак. Но прежде чем заняться едой, он заглянул в левую комнату, чтобы проведать своего господина-кота.

Пушистый белый комочек свернулся клубком в постели и крепко спал, время от времени издавая довольно мурчание. Му Шэн наклонился и погладил кота по шее. Тот, словно почувствовав прикосновение, потерся о его ладонь, даже не проснувшись от боли, — значит, рана была не такой уж серьезной.

Только тогда Му Шэн наконец успокоился.

<http://bllate.org/book/21171/2144748>